

НОВАЯ ПРОЗА

две повести

МУЛЯКА

Дарья Верясова

издательский дом

Выбор Сенчина

Дарья Верясова
Муляка. Две повести

«Издательские решения»

Верясова Д.

Муляка. Две повести / Д. Верясова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857048-3

Дарья Верясова — очень талантливый и яркий поэт и прозаик. Несмотря на молодость, ее называют «легендарной». Наверное, из-за ее биографии, постоянных перемещений по стране и окрестностям, путешествий и приключений. Верясова многое видит, умеет замечать и преобразовывать в литературу. Сильнее всего это проявилось в ее документальной по фактуре, но художественной по исполнению прозе. Убедиться в этом можно, прочитав ее повести «Муляка» и «Похмелье».

ISBN 978-5-44-857048-3

© Верясова Д.
© Издательские решения

Содержание

Муляка	6
Первый день	7
Муляка	10
Люди	14
Второй лагерь	16
Котейка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Муляка Две повести

Дарья Верясова

Издательский дом «Выбор Сенчина»

© Дарья Верясова, 2017

ISBN 978-5-4485-7048-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муляка Повесть

Людям Крымска посвящается

– Дарья, вы слышали про Крымск?

Про Крымск я читала в утренней метрошной газете. Его затопило ливневыми дождями, но это было давно, недели две назад, и последствия уже ликвидированы.

– Нет, – возражает Лотта. – Говорят, не всё так просто. Полгорода разрушено, туда требуются волонтеры, дорогу оплачивают – может, поедем?

Мы курим на лестнице общаги, нам совершенно нечем занять это лето. Но я не представляю, как мы, филологические барышни, можем помочь затопленному Крымску, и очень не хочу становиться для кого-то обузой.

– Ладно бы мы хоть делать что-то умели. К тому же, прошло столько времени, наверняка там всё наладили.

– Но волонтеры-то требуются. Значит, не всё.

Лотта, вопреки обыкновению, настроена решительно, по всему ясно, что, если я не соглашусь, она поедет одна.

На следующий день мы садимся в поезд.

Первый день

Мы приехали в Крымск ранним утром, по холодку. Поставили палатку и легли вздремнуть, так как спали ночью часа три. Но уже вставало солнце, палатка неотвратимо нагревалась. Уснуть в духоте не получилось, к тому же позвали завтракать. Под тентами полевой кухни стоял большой чан перловки, от которой меня тошнило всю жизнь, но сейчас я ела кашу почти с наслаждением. Зажевала помидором и запила кофе. Вокруг толкались и шумели заспанные люди.

– Восемь. Сейчас нашисты флаг поднимать будут, – сказал кто-то.

Через несколько минут издали донёсся гимн. В поле это показалось дикостью.

Да, лагерь волонтеров располагался в большом поле, на стыке улицы Коммунистической и трассы Новороссийск – Краснодар. Раньше здесь был рынок, а теперь стояли разноцветные палатки: около пятидесяти, многие двух- и трёхместные. С обоих концов базировались части МЧС, по другую сторону наезженной полевой дороги стояли пресловутые нашисты, которые уехали через день или два после нашего прибытия. За трассой росли подсолнухи, куда, по слухам, до прибытия биотуалетов народ бегал уединяться. Уже к девяти утра в палатке было невозможно находиться, привезённые с собой ириски плавилась.

В штабе нам сообщили: нужно сделать прививки, работать мы можем на гуманитарке или же «на говне», а в лагере принят «сухой закон». Приехавших с нами медиков сразу отправили «на говно» – чистить от муляки затопленные дома. Остальных оставили в лагере. Мы с Лоттой огорчились, мы хотели увидеть город своими глазами, но покорно отправились на рабочие места: я – на регистрацию, она – на поле, усеянное одеждой и обувью, разбирать и сортировать.

– Берёшь заявку, заполняешь, кому что нужно. Помощь мы развозим адресно, чтобы не спекулировали, а то и такое случается. На руки выдаём только воду. За медикаментами отправляй в медпункт, за одеждой – на поле. Только выписывай каждому пропуск, а то МЧС завернёт, – объяснила мне Оля с сильно обгоревшими плечами. У неё охрипший голос и добрые усталые глаза. Судя по загару, она – одна из первых «крымчан». – И не заморачивайся, а то тут многие приходят – очень любят требовать. Нет бы от государства потребовать...

В правоте Оли я вскоре убедилась – приходили люди самые разные. К вечеру я навестила отделять реально пострадавших от пострадавших не очень. Первые либо стеснялись просить, либо плакали. Вторые, в основном, требовали бытовую технику и орали, что слишком долго им не привозят помощь, что мы ни черта не делаем, что они будут на нас жаловаться и вот прямо сейчас отправятся писать письмо президенту на сайт. Гораздо позже я узнала, что многим пострадавшим вообще было не до того, чтобы куда-то ходить. Они были ошарашены случившимся, они разбирали завалы в собственных домах, чистили приусадебные участки, да и просто не знали, что можно куда-то обратиться за помощью.

Притопали два парня, которые заполнили заявку с указанием телевизора и сотового телефона и пытались сфотографировать её так, чтобы видно было дату. Они очень смутились, когда поняли, что к официальным органам мы не имеем отношения и, по сути, ничего им не должны. Даже извинились.

В лагере в тот день не было почти ничего – новая гуманитарка была не разобрана, воды оставалось мало – мы не могли ничего дать людям. От жары – больше сорока градусов – у меня кружилась голова. Страшно хотелось пить, но минералка была тёплой и жажды не утоляла. К концу дня она нагревалась до состояния кипятка, и пить её, раскалённую, было уже невозможно. Иногда кто-то бегал в магазин и покупал холодную воду, которую выпивали толпой и быстро – чтоб не успела согреться. Постоянно приходили люди, в основном, татары, плохо

говорящие по-русски и желающие всех благ, которые мы можем им дать, и толпились, и спорили, чья очередь заполнять у нас заявку.

– Что именно вам нужно? – спрашивала я.

– А что у вас есть? – отвечали мне.

Часа в три вместе с невесткой пришёл ветеран Великой Отечественной войны. Он сказал:

– Нужна лопата и матрас. Всё.

Невестка возмутилась:

– А как же тарелки? А как же кастрюли? Всё же уплыло! – и мгновенно перекинулась на меня с воплями, что мы ничего не делаем.

– Справимся, – ответил ветеран. – Кастрюля есть одна. А на девчонок не ори, они ни при чём, они молодцы.

И улыбнулся мне ласково. Я отметила в его заявке всё, что только могла: от медикаментов до раскладушек.

Подошла утомлённая жарой Лотта, плюхнулась рядом и задумчиво сказала:

– Вот в Анадыре сейчас хорошо, наверное... Холодно.

– Лотта! – взмолилась я. – Подмените меня, я сбегая обольюсь чем-нибудь!

Лотта согласилась, и я убежала в полевой душ, собранный из огромной палатки, трубы с распылителями и цистерны с водой. Через мгновение туда же ворвалась девушка с характерным для волонтеров загаром – белыми майкой и шортами. Остальные части тела были тёмно-коричневыми.

Она оказалась Надей – координатором тех, кто ездит «на говно». Я, не выходя из-под хлорированной струи, стала напрашиваться в её ведомство. Она, не выходя из-под соседней струи, сообщила, что людей ей не хватает, и она с радостью отправит нас куда-нибудь с лопатами, но завтра, поскольку сегодня уже все разъехались на объекты.

По выходе из душа я пожалела, что не взяла с собой китайские резиновые тапки – единственные босоножки от воды разбухали и грозили вскоре меня покинуть.

– Так найди себе что-нибудь в гуманитарке, – посоветовала Оля.

– Ну... как-то это... – протянула честная (это же для потопленцев!) и в ту пору безг-ливая я.

– Ну хлоргексидином обработай и носи. Тут на третий день все в гуманитарке ходят. Своё изнашивается быстро.

На поле с гуманитаркой в хаотичном порядке была разбросана обувь. Встречались шпильки и лодочки, шлёпанцы и кеды – всё по одному. Надо было сильно постараться, чтобы найти пару. Через полчаса непрерывного ползанья под палящим солнцем и ворошения бесконечных коробок я нашла шлёпанцы своего размера. Дикого оранжевого цвета на небольшом каблучке. Щедро полила их хлоргексидином и вернулась на регистрацию.

К вечеру я принимала душ, не раздеваясь, и намертво помнила многие затопленные улицы: Луначарского, Адагумская, Советская, маршала Гречко... Было страшно видеть такое количество потопленцев, в особенности – с маленькими детьми.

– Это ты ещё в первые дни сюда не попала, – вздохнула Оля.

Помимо чужих на регистрацию постоянно заглядывали свои: долго сидел с нетбуком очень загорелый твиттероман Тёма Щегол, потом пришёл парень с мотоциклетным шлемом, на котором было написано «Гастарбайкер» и очень удивился, что я его не знаю в лицо и по имени.

– Я мотоволонтер, – сообщил он. – Иногда по вечерам на мотоцикле девушек катаю. Ты, как стемнеет, подходи к дальним палаткам, я и тебя прокачу, – и поиграл бровями.

В восемь вечера Оля дала отмашку:

– Быстренько сворачивай тут дела, а то до ночи просидишь.

К тому времени я сидела на регистрации около одиннадцати часов и больше всего в жизни мечтала залезть в Северный Ледовитый океан. Народ собирался ехать на озеро. Мы с Лоттой сделали печальные глаза, и нас тоже взяли купаться.

Вшестером мы кое-как влезли в «Жигули» местного волонтера-автомобилиста Саши – очень милого армянина с забавным и хитрым взглядом. По пути мы встретили его друзей на красной «Ниве» и были с Лоттой отсажены к ним на пустое заднее сиденье.

Это оказалось не озеро, а водохранилище. Вода в нем была тёплой настолько, что не освежала. На берегу начинались комары и распитие местного вина. Мы с Лоттой переглянулись: сухой закон, которым нам грозили в лагере, нарушался самым бесстыдным образом – и присоединились. Сказать по совести, было странным нам, новичкам, оказаться в компании старожилов Крымска. Сидевшая на земле Надя очень печалилась, что вскоре ей придётся уезжать в Питер.

– Я такого нигде не встречала, – говорила она. – Когда тащишь бревно, а мужики вырывают его у тебя из рук, потому что видят, что тебе тяжело. Хотя ты изо всех сил этого не показываешь!

Я не понимала страданий Нади, а её слова показались мне пафосными.

Назад нас везли те же парни на «Ниве». Ребята оказались славными: они долго колесили по полю, пытаясь вспугнуть для нас зайца, свозили на смотровую площадку, купили нам ещё вина и в целостности и сохранности привезли в лагерь.

Также они рассказали, что пострадали две трети города, воду намеренно спускали из нескольких водохранилищ, чтобы не затопило Новороссийск (и я вспомнила водохранилище, в котором мы купались), волна была высотой в семь метров, и погибло три тысячи жителей. Но если власть признает более двухсот погибших, ей придётся пустить в город международную комиссию, а в преддверии Олимпиады никто на это не пойдёт. В тот момент я внезапно поняла, что, как человек, проживший июль без интернета, совершенно не представляю себе ни причин, ни последствий наводнения, ни даже современного состояния города.

Ночевать в палатке я отказалась наотрез и примостилась под открытым небом. Лотта последовала было моему примеру, но к утру закоченела и перебралась в палатку. Ночи в Крымске были на удивление холодными.

Муляка

Утром на пути к умывальнику я встретила Олю.

– Что-то вы вчера задержались! – съехидничала она.

– Мы по полю катались! – воскликнула я. – Ребята хотели показать нам зайца!

– Зайца? – захихикала Оля. – Показали?

– Нет.

Я ещё не отдавала себе отчёт, что многие люди торчат в лагере уже три недели: на солнцепёке, в условиях тяжёлого физического труда, от которого ночью берёт бодряк и трудно заснуть. Юмор в таких условиях приобретает специфические черты. Тем более, девушек в лагере было мало – раз в пять меньше, чем мужчин. Поэтому меня пять раз звали замуж и пятьсот – в палатку. Но чувство самосохранения подсказывало: «Ни-ни! Дашь одному, от остальных не отобьёшься», – и я развивала чувство юмора.

Машина задерживалась, и прежде чем ехать на объект, мне пришлось ещё немного посидеть на регистрации. Не потому, что заставляли – самой хотелось что-то делать. В то утро наконец-то ввели порядковые номера на заявках, и к десяти мы заполняли тридцать седьмой бланк.

Люди рвались на поле с гуманитаркой, обходили МЧС с разных концов, копались в одежде, орали, ругались, зарываясь в неё по пояс, и напоминали гигантских блох.

Периодически я бегала к Наде узнавать, не пришла ли машина.

– Скоро придёт. Можешь ехать туда в своём, если не жалко выкинуть, – сказала Надя. – Замаешься потом отстирывать. Поэтому лучше поищи в гуманитарке штаны и рубаху. И перчатки возьми прорезиненные. И сапоги!

На складе нашёлся только один сапог моего размера – 39-го и один 38-го. Все другие были от 41-го до 45-го. Пришлось брать разномастные сапоги. 38-й вёл себя нелогично и норовил свалиться с ноги, меж тем как 39-й поджимал.

Нас с Лоттой определили в бригаду к питерскому казаку Серёге – добротному мужику с висячими усами и лейкопластырем на переносице. Четвёртым с нами отправился то ли пришибленный, то ли укуренный чудак Кирюха. В Крымск он приехал автостопом.

– Я сначала хотел на велике, – сказал он заторможенной дикцией. – Купил в Москве за девять тысяч. За четыре дня доехал почти до Саратова. Плюнул, бросил на трассе. Дальше на попутках поехал. Лучше бы не покупал велик.

– Подфартило кому-то, – заржали мы.

– А потом меня друзья накормили конопляной кашей. Я прихожу, смотрю: каша. Зелёная какая-то. Я с голодухи двадцать ложек съел. И надо мной все ржали. Это в Джубге было.

На нужный адрес – Авиационная, 10 – мы ехали сначала через пустырь, где затевалось строительство высотных домов для потопленцев, а затем через одну из самых пострадавших улиц. Каждый третий дом был уже снесен, но ещё многие лежали на земле, подогнув проломленные стены и прихлопнутые сверху крыши. Почти на каждом заборе висели листки с надписью «Под снос».

– Дома старые, из саманного кирпича строились, – пояснил Серёга. – А это ж песок. Вот волна подошла, их и размыло почти мгновенно.

Серёга работал в Крымске чуть ли не с первого дня. Разбирал завалы, в одном из которых поймал педофила на месте преступления, таскал трупы, чистил муляку.

– А что у вас с носом? – спрашиваю я про лейкопластырь.

– У нас в лагере все на «ты», – отрезает Серёга. – А нос я от пота рукавом вытер. Ну, рукав в муляке, а там же трупный яд – заражение пошло, вот и разбарабанило.

В Крымске не работают ни карта, ни логика. Авиационная улица обрывалась на пятом доме и продолжалась совершенно в другом месте. Дом №10 стоял и вовсе на соседней улице и представлял собой высокий кирпичный особняк. Это вызвало беспокойство: мы были наслышаны о том, как иногда местные жители воспринимают волонтеров – как бесплатную рабочую силу для стрижки газонов и т. д. Серёга пошёл выяснять обстановку. Оказалось, в доме живут 16-летний Матвей, его 10-летний брат, их бабушка и дядя Коля с раздробленной правой рукой. Про родителей Матвея я так ничего и не узнала. Про них не было сказано ни слова.

Я спросила:

– Сильно вас залило?

Дядя Коля ответил:

– А вон видишь отметину на стене? Метр восемьдесят. Первый этаж затопило. Холодильник по двору плавал.

На стенах дома и прилегающих построек видна грязная полоса выше моего роста. Вода уходила, и следом, пачкая стену, медленно опускался толстый слой ила – муляки. Я пытаюсь представить плавающий в ней холодильник – и не могу.

К нашему приезду гараж и летнюю кухню кое-как почистили, а подвал – просторный, удобный – всё ещё являл собой руины «Титаника».

– В этой комнате у нас была морская каюта, – сказал Матвей. – Тут висели канаты, стояли вина и книги. Даже телефон протянули, чтоб наверх не бегать, если кто позвонит. Очень уютно было.

В слабом освещении подвального окошка из-под слоя зеленовато-глянцевого ила пробиваются очертания вещей – бутылок, банок, досок, железяк. Кое-где муляка легла трёхсантиметровым слоем, в других местах она на десять сантиметров накрыла вещи. Их приходится раскапывать руками и долго очищать, иначе не поймёшь, что там – в грязи? Всё перемешано, перебито и перебросано из одной комнаты в другую. Сейчас, двадцать дней спустя, муляка подсохла и стала неподвижной, но стоит поставить в неё ногу, как она оживает и чвакает.

Сильная вонь от гниющего зерна разносится по всем трём комнатам подвала. Ноги утопают и разъезжаются, через несколько минут на сапогах висит килограмма по три грязи, ходить в них становится сложно. Пытаюсь соскоблить её лопатой, но она налипает уже на лопату. Пытаюсь лопату почистить сапогом – и муляка снова на сапоге. Выкопанные остатки велосипеда, полки, трубы, доски, какие-то железяки мы выносим на улицу на руках, бережно прижимая к груди, чтоб не соскользнули – тогда придётся нагибаться и поднимать их, мелочёвку и грязь таскаем в вёдрах. Коридор в пятнадцать шагов, четыре ступеньки наверх, двадцать шагов до мусорки, вывалил – и назад.

Через час мы похожи на глиняных человечков. За это время мы привыкли к запаху и ловко балансируем в грязи. Со лба капает пот, щекочет нос и заливается в рот, но я помню переносицу Серёги – сплёвываю и не утираюсь. В какой-то момент понимаю, что у меня катастрофически расходится ширинка на гуманитарных джинсах, но вскоре забиваю и на это – хрен с ней, пускай проветривается.

– Девчонки! – кричит Серёга. – Тяжёлое не таскайте!

– Девчонки! – кричит Матвей. – Найдёте полные бутылки, не выбрасывайте, там вино!

В час мы идём обедать. Полевая кухня расположена неподалёку. Здесь кормят не только потопленцев, но и тех, кто работает на ликвидации последствий: МЧС, милицию, волонтеров. На первое мясной борщ, на второе плов – всё потрясающе вкусное. И без жадности – свежих овощей: помидоров, огурцов, перца, чеснока. По привычке я думаю, что чеснок есть не стоит – от него запах. Потом вспоминаю запах в подвале, и мне становится плевать на всё. С этого дня я ем, как мужик, не задумываясь о том, как выгляжу со стороны.

Впятером – вместе с Матвеем – мы работали до шести вечера и успели почистить ту самую морскую каюту размером примерно 3х5 метров.

– И что, вы совсем бесплатно работаете? – дознавался Матвей. – Приехали из Москвы, чтобы бесплатно поработать?

Я практически вижу, как этот факт ходит ходуном и не может улечься в его черноволосой голове. Больше всего этот парень похож на прижимистого украинца. Он учится в Новороссийском кадетском казачьем корпусе и к кошевому атаману Серёге мгновенно начинает испытывать положенное субординацией уважение. Возможно, ещё и потому он разрешает нам выбрать бутылочку вина из числа спасённых. Мы с Лоттой взяли мартини, Серёга прихватил коньяк.

– А ты бы не поехал нас спасать, если бы что-то произошло в Москве?

Матвей хитро глядит на меня, улыбается и честно отвечает:

– Вряд ли.

Дядя Коля выдаёт нам с Лоттой по полотенцу и отправляет в душ. Он знает, как меня зовут, но иногда, в порыве ласки зовёт меня девочкой:

– Ты, девочка, в следующий раз надевай штаны поцеломудреннее.

Выясняется, что прокол с ширинкой заметили все, но интеллигентно молчали.

Приехала бабушка Матвея, накормила нас арбузом и отвезла на своей машине в лагерь. Вещи и инструменты мы оставили на месте, поскольку работы было ещё на день, а то и два.

После прохладного подвала лагерь показался нам адской печкой. На регистрации по-прежнему не хватало людей, но сил не оставалось.

Ужин ещё не приготовили, и мы отправились в магазин. Купили хлеба, плавленого сыра и ледяной воды. Солнце жарило со страшной силой, тень от палатки не спасала. Мы решили поискать пристанища возле грузовиков МЧС.

– Куда идём? – наперерез двинулся мужчина в форме.

– В тень! – простонали мы, падая возле КАМАЗа.

Мужчина захохотал и, заметив запотевшую полторашку, попросил попить.

Невесть откуда набежавшие МЧСовцы – молодые здоровые парни – так упорно пытались нас накормить и развлечь, что пришлось спасаться бегством.

– Как же нагло пьются! – негодовала Лотта. – Так бы и треснула по морде.

– Да будет вам! – засмеялась я. – Ловите кайф! Когда мы ещё в такой малинник угодим!

Когда стемнело, мы собрались для распития дневной добычи. Кирюху, ввиду его откровений про кашу и велик, решили не брать – чтоб совсем не свихнулся.

Суровый питерский казак Серёга глядел на меня влюблёнными глазами, звал замуж и обещал, что я очень понравлюсь его маме.

– Из тебя, – говорил он мне, – вышла бы хорошая казачка. Взгляд у тебя чистый и прямой. Я днём заметил, как ты радуешься каким-то очень простым вещам. Я буду звать тебя Даурией.

Я поперхнулась и захохотала. Серёга озадачился и ухаживания приостановил.

– Там, где мы сегодня работали – ещё не самое худшее. Их не сильно затопило. Сейчас многие в таком положении. Меньше метра вообще не считаются пострадавшими – им даже компенсацию отказываются платить. Да и вообще – хорошо, если сами выжили. Волна-то какая была, людей уносило. А про домашних животных и говорить не стоит. Вот так, будешь спать, а на тебя воду спустят...

Я представляю себе свой дом, свой личный подвал, погребённый под слоем муляки, и мне хочется плакать. Даже если это просто подвал – в нём мои вещи, которые я собирала, может быть, всю жизнь. А какая-то сволочь взяла и лишила меня моих воспоминаний и даже не извинилась. С этого дня в мой лексикон прочно вошла фраза «ёбаный стыд».

На следующий день Надя хотела отправить нас в другую бригаду.

– Но я вас отстоял. Как таких девчонок отпускать – вы десятерых парней стоите! – заявил Серёга.

Из этого я сделала вывод, что за ночь алкоголь из Серёги выветрился, а влюблённость – нет. Накануне он пытался меня поцеловать, и теперь глядеть мне на него было не слишком приятно. Но работали мы по-прежнему на славу – к вечеру расчистили две оставшихся комнаты. Муляка не давала нам передышки. Стоило расчистить коридор, как через полчаса он снова превращался в расхлябанную дорогу. Грязь на сапогах уже не вызывала раздражения. Привыкли.

В тот день к нам присоединились два странных субъекта из Анапы. Перекур они объявляли через каждые двадцать минут, обедали два часа, один раз бросили бревно мне на ногу и вообще вели себя кое-как. Ближе к вечеру, когда оставалось всего ничего работы, а они снова потребовали перекура, мы с Логтой не выдержали и объявили, что не выйдем курить, пока не закончим работу, а они там пускай хоть укурятся. Достать нас из подвала удалось только дяде Коле.

После перекура мы закончили всё в 10 минут.

На солнышке грелся котёнок. Малюсенький, милый. Пришла рыжая мамаша и начала его вылизывать.

– Вот выпала ему доля жить, – сказал дядя Коля.

– А Шарик?

Шарик – уличный пёс небольшого размера и свирепого нрава, в первый же день внушил нам страх и ужас.

– А Шарика успели отвязать и забрать в дом.

В разговор включается Матвей:

– Бабушке среди ночи позвонили, сказали, что наводнение. Она сначала решила, что шутка, предупреждения же не было, потом вышла во двор, а там уже вода. Так она даже нас не разбудила, села в машину и угнала её на горку. Вовремя успела, потом вода резко на полтора метра поднялась. А мы бы так и спали. От шума проснулись. Правда, мы на втором этаже...

– А у тебя кто-нибудь из знакомых погиб?

– У моего друга родители утонули.

Дядя Коля долго выпытывает, где и в каких условиях мы живём, хорошо ли нас кормят, снабжают ли табаком, а после дарит мне на память портсигар с сигаретами. Я в восторге. Я давно мечтаю о портсигаре. Я хочу обнять дядю Колю, но стесняюсь.

– На Руси последнюю рубаху отдавали! – втолковывает он Матвею. – Всегда помогали людям! Вот и они помогают. Учись.

А мы понимали, что жизнь проста и незамысловата. Я просыпалась и видела, как ползёт муравей – и была счастлива, что он ползёт.

Люди

На четвёртый день мы должны были ехать в Нижнюю Баканку помогать казакам разбирать завалы. Надо сказать, именно казаки по ночам патрулировали самотоптанные улицы нашего палаточного городка. Правда, где они базировались и откуда приезжали в наш лагерь, я так и не поняла.

– Воля ваша, Дарья, – сказала Лотта, – а я чувствую, что мне надо сменить работу. Всё же тяжела она для моих глаз.

У Лотты сильная близорукость, и окулист запретил ей таскать тяжести.

– Вот сегодня день отработаем, – ответила я, – как-никак обещали – и надо сваливать в другой лагерь. Серёга меня удручает.

Серёга, действительно, постоянно топтался неподалёку и глядел ищущим взглядом, а я не знала, как и о чём с ним говорить, и начинала злиться. Кроме того, общий лагерь, изначально имевший два полюса, внезапно раскололся. Мы оказались в странном положении: палатка была выделена одним лагерем, а спальники – другим. И если про спальники все забыли, то из палатки нас однажды пытались выселить. Поэтому мы приняли волевое решение: официально перейти в отколовшийся лагерь (чтобы не очутиться под открытым небом), но в нашем прежнем лагере никому об этом не говорить (чтоб, не дай бог, не лишиться спальников). А работа везде найдётся.

Всё утро прождали машину.

– Поначалу, – сказал Серёга, – таксисты бесплатно возили волонтеров на объекты. Сейчас уже все подуспокоились, задарма не берут. Будем ждать, авось приедут за нами.

От регистрации меня тошнило сильнее, чем от муляки, поэтому в полдень мы всё ещё бездельничали.

Глядя на трассу Краснодар – Новороссийск, я спросила:

– Лотта, а вы были когда-нибудь в Новороссийске?

– Нет.

– А вашей сумасбродной Дарье пришла в голову идея...

Лотта согласилась, почти не колеблясь, Серёга посмотрел печально и отпустил нас без лишних слов. А машины в тот день так и не пришли. И Нижнюю Баканку я своими глазами не увидела.

На обратном пути мы купили домашнего вина и отправились на соседские посиделки к Тёме Щеглу. Красавец Тёма узнавался издали по неизменной арафатке на шее, голому торсу и чёрным очкам. Именно он умудрился создать в полевых условиях чайный клуб. На газовой горелке кипятилась вода, заваривался пуэр с какими-то травами, каждому выдавалась чашечка или пластиковый стаканчик. Ради этого священнодействия Тёма даже отрывался от любимого «твиттера». Как правило, содержимое стаканчиков и чашечек быстро подменялось алкоголем со стороны гостей. Ещё приносилась гитара и звучала до самого утра.

Спать мы отправлялись зачастую уже на рассвете. А после восхода резко начиналась жара, будившая обитателей лагеря лучше любого будильника.

Завсегдатаями посиделок были медики: доктор Рома, почти виртуозно играющий на гитаре, доктор Юля – пухленькая очаровательная похабница и Ваня – хозяин гитары. В одной группе с ними мы ехали из Москвы. Сюда же приходили МЧСники, не оставлявшие надежды завести краткосрочный полевой роман, заглядывали на огонёк казаки.

– Он и на Оккупайабае умудрялся всех поить чаем, – сказала мне позже Настя Топор. – Никуда не страшно ехать, если там Тёма, потому что тебя уже наверняка ждут горячий чай и уют.

Хрупкая 18-летняя Настя получила своё прозвище из-за того, что с первых дней наравне с мужиками разбирала завалы и таскала трупы.

– Так МЧСники же не пускали туда, где могли быть трупы? Как же ты их таскала? – недоумеваю я.

– Как, как... Завал чистишь, а там «цветочек». Ну и вытаскиваешь.

О размерах «букета» Настя умалчивала.

Кроме прозвища, она была знаменита ещё тем, что участвовала во всех «Стратегиях-31», из-за чего неоднократно задерживалась милицией, а за время крымской эпопеи умудрилась потерять паспорт, телефон, компьютер и даже палатку. Правда, в конце концов, добрые люди отыскивали ей всё, кроме телефона.

Ещё была Аида – утончённая городская модница, в числе первых приехавшая на это, тогда ещё пустынное, поле с автобусом гуманитарки. Прямоком из клуба «Zavtra» под проливной дождь.

Приходила приземистая, коротко стриженная блондинка Наташа – начальница отделившегося лагеря. Уносила в палатку уснувшего в пластиковом кресле десятилетнего сына (тоже работавшего в лагере), потом возвращалась и долго сидела с нами. Рассказывала пошлые истории с непосредственностью и трогательностью маленькой девочки, пила больше всех, говорила матом. Но всем было смешно и хорошо, всем хотелось её обнять и погладить по голове.

Время от времени приходил Олег, у которого на бэйдже было зачёркнуто слово ВОЛОНТЁР и приписано ДОБРОВОЛЕЦ. После мне много раз доводилось видеть такие исправления у наших ребят.

Рано или поздно у всех заканчивались сигареты и деньги, и наступало время дешёвого «Донского табака» и заначенной на чёрный день «Явы». Мои тонкие сигареты и в грош не ставились. Алкоголь же не переводился. Но, несмотря на это, нервы у многих не выдерживали. Несколькими днями позже для Насти Топор вызвали скорую – зашалило сердце, Наташа психанула и уехала, позже выяснилось, что в Москве она легла в больницу, Аида никуда не хотела уезжать ввиду «крымского синдрома» и до последнего оставалась в лагере. Когда она всё же вернулась в столицу и через денёк пришла на вокзал провожать знакомых ребят в Крымск, то не утерпела, запрыгнула в вагон и поехала зайцем – в чём и как была.

Штаб собирался вводить правило семи-десяти дней (неделю в Крымске и марш домой!), но к тому моменту многие разъехались сами по себе.

А мы на утро пятого дня перешли в соседний лагерь.

Второй лагерь

Утром я проспала. Лотта встала рано и уехала в город. В последние дни лагерь применял практику «брожения»: волонтеры ходили по улицам и проверяли каждый дом. Напомню, не все местные обращались за помощью, и при таких обходах было легче обнаружить пострадавших.

Не отсонившись, я поплелась на кухню нашего нового лагеря – за кофе.

Возле кухни стоял, опершись на костыли, высокий, небритый и неимоверно симпатичный блондин в полосатой пижаме – на манер больничной. Одна нога у него была загипсована.

«Стиленько!» – хмыкнула я про себя. А вслух спросила:

– Завтрак уже закончился, да?

Блондин взглянул на меня удивленно и ответил весёлым голосом:

– То есть сначала мы спим до обеда, а потом завтракать просим?

Я посмотрела на него очень честным взглядом и опустила очи долу.

– Ну чего стоишь, иди завтракай! – и сам же засмеялся.

Это был Дима. На второй день по приезде в Крымск он разбирал гуманитарку, и кто-то уронил ему на ногу тяжелейший поддон. Перебитая связка требовала операции, но каким-то макарон Дима остался в лагере на три недели и сумел сделать из своих костылей неисчерпаемый повод для шуток. За это время ему, как и всему мужскому населению лагеря, изрядно напекло, но из его уст приглашения в палатку звучали остроумно и заманчиво.

В тот день я осталась в лагере – болели натёртые ноги. К тому же гуманитарку местная администрация приказала вывезти на свалку (то ли сыпь у кого-то пошла, то ли корь), а значит, стоило быстрее искать себе сменную обувь. Те самые вещи, которые мы сортировали в первый день, безжалостно сгребались в кучи и забрасывались в кузов приезжающего грузовика. Среди ношенных вещей встречались запакованные, с бирками и ценниками. Они уже не шли потоппенцам, и приоделись мы на славу. Когда в Москве я зашла в «Секонд Хэнд», меня охватила паника – за всё это надо платить!

Уже третий день, не переставая, дул штормовой ветер, и в сторону лагеря летели пакеты и бумага, на которых лежали вещи, я бегала и собирала их в огромный мусорный мешок. По ходу дела, нашла лёгкие белые шлёпанцы своего размера, новенькие джинсы и чудное пальто из 60-х, которое, увы, оказалось мало.

Частенько в карманах вещей находились записки от людей, приславших помощь. Так нашлась записка от старенькой бабушки, она писала, что помогает, чем может, что крымчанам надо держаться и не расклеиваться, потому что вся Россия с ними. В бескрайнем поле пожертвованной одежды становилось абсолютно ясно, что, да, вся Россия думает о Крымске.

Я не помню, кто стал рассказывать про гуманитарку: как её задерживают под разнообразными предлогами, как она оседает в руках бизнесменов, и что кто-то очень сильно на этом наживается. Я не знаю, правда это или нет, но там, в Крымске очень легко в это верилось – я своими глазами видела измученных людей, просивших хотя бы питьевой воды. Эти люди требовали отставки мэра и губернатора и называли их ворами. Многие из них писали письма в администрацию президента, надеясь на помощь доброго батюшки-царя. Другие же понимали, почему губернатор работает до сих пор, и молчали, потому что в ином случае лишились бы и той минимальной денежной поддержки, которую им обещало государство.

Через несколько часов меня поймала начальник лагеря Наташа и спросила, что я делаю. Я честно ответила, что помогаю вывозить гуманитарку. Она заявила, что это не нашего лагеря

дело и сейчас она придумает мне работу. Постояла минуту и исчезла. Я пожала плечами и вернулась к погрузке одежды.

Жара не унималась. Мне к тому времени тоже напекло, но в прямом смысле, и я, наплевав на мужские страдания, обрядилась в шорты и лифчик от купальника.

На выходе из палатки встретила улыбающегося Диму.

– А я никак не рассмотрю, в какую палатку мне ночью лезть?

– А ты, – отвечаю, – сначала костылями потыкай.

После гуманитарки верхнего лагеря я перешла на гуманитарку нижнего. Работала на этом объекте Стелла, она собирала заказы, формировала наборы (бельё, одеяла, кастрюли, бытовая химия, детское питание) и развозила помощь по адресам.

– Смотри, тут три маленьких ребёнка. Им нужно вообще всё, у них ничего не осталось, – сказала Стелла. – Накладывай всего, а детского питания – побольше. В той палатке химия, в той бельё и одеяла, в той кастрюли и сухие смеси, в общем, это несложно.

Вскоре машина местного волонтера Андрухи забита под завязку полными мешками. Вместо перекура иду мыть посуду.

– Поедешь с нами развозить? – спросила Стелла через некоторое время.

Улыбчивый Дима пытался пристроить меня на кухню – варить ужин, а я отбивалась, как могла. К тому времени мне хватало пяти помидоров в день, от жары тошнило, и представить себя на кухне я не могла никак. Но под синим взглядом Димы моя упёртость таяла и становилась жалкой лужицей. Поэтому я спешно домыла посуду и ответила:

– Поеду!

В тот день впервые я оценила масштаб трагедии. К одному из нужных адресов мы пробирались по гравийке вдоль реки. Русло Адагума я видела и до того – в разных частях города. Кое-где оно было обильно завалено деревцами, прочно поросло кустарником, и было понятно, почему река могла выйти из берегов, кое-где оно уже всюду чистилось и расширялось экскаваторами.

На повороте в глубь жилой улицы мы остановились.

Речушка еле текла на дне широкого и глубокого русла. Из него высоко торчали погнутые и покореженные железные опоры пешеходного моста. Сам же мост, удержавшись одним концом за берег, лежал изогнутый на противоположной стороне реки. Было видно, что его, как шнурок, долго телепало водой.

Из ближайшего дома выскочили мальчишки, за ними – женщина лет сорока пяти. Стелла бросилась её распрашивать.

– Речку-то и цыплёнок перейдёт! Прошлым летом были сильные дожди, не чета этим. Вода поднялась почти до моста. Но даже тогда никакого наводнения не случилось. Мы всегда на реку смотрим. А ночью слышали шум воды, муж и тесть выбежали, вода была уже по щиколотку, и погнали машины на горку. Муж сразу направо повернул, а тесть гнал вдоль реки – получается, он от волны уходил. Но ничего, успел, слава богу, выскочил на горку в последний момент. Волна вышла к нам, тот-то берег высокий. А мы на чердаке спаслись, ночь там просидели. Спускали воду из водохранилища, это точно, дожди ни при чём.

Привычно ищу на стене дома отметку уровня воды. Она почти под крышей.

Люди угоняли машины, оставив дома семьи – никто не думал, что волна будет настолько высокой.

Женщина рассказывает кучу подробностей, но долго не хочет раскрывать своё имя. Бойся последствий.

– У нас те, кто много говорит, уже сидят, где нужно.

По пути мы заезжаем проверить некоторые адреса. Люди часто звонят в лагерь и рассказывают про соседей, про друзей и знакомых, которым нужна помощь. Мы останавливаемся возле грязного саманного домика, в котором живёт всеми покинутая старушка. Собака беснуется за забором, но старушка на наши крики и стуки не реагирует, видимо, дома её нет, и мы идём через дорогу – там выстроен дворец, из которого выходят вполне благополучные обитатели. Под ногами хрустит засохшая муляка.

– К ней сын приехал. Вроде бы помогает.

И мы едем дальше.

– Андрей, – спрашивает Стелла нашего водителя. – Ты же местный, ты знаешь: про «магнитовские» фуры – это правда или легенда?

– Да какая легенда, – тяжело вздыхает Андрей. – Правда, конечно.

– Что за фуры? – спрашиваю я.

– Фуры магазина «Магнит». В них рефрижераторы, удобно перевозить трупы.

Трупы вывозили в другие города, местные морги не справлялись. От друга знакомых дошла закрытая информация из администрации Краснодара. По его словам, в этом городе было заказано 4 тысячи гробов для крымчан. Кроме того, постоянно натыкаюсь на рассказы местных жителей о массовых захоронениях в одной могиле и о сжигании трупов неподалёку от города. Насколько можно доверять этой информации, я не знаю. И про «сердечную недостаточность» мы наслышаны вполне – именно этот диагноз ставят утонувшим людям, чтобы не платить миллионную компенсацию их семьям.

В городе расклеены объявления о пропавших в ночь наводнения детях. С фотографий глядят улыбающиеся малыши.

Вечером с Лоттой пьём зачанку. Из Москвы мы привезли фляжки с водкой. Лотта рассказывает про «морскую волчицу», у которой ей довелось сегодня побывать.

– Это потрясающая женщина! Она всю жизнь работала поваром на флоте, надолго уехала в море, сейчас на пенсии. Как она про наводнение рассказывает – никакой КВН не сравнится! Очень смешно.

Мы чокаемся фляжками.

– Она ночью проснулась от того, что вода поднялась почти до кровати. Быстро схватила документы, в основном, морские удостоверения, и села ждать. Вода не останавливалась. Потом она выглянула в окно – и оказалось, что всё, она в аквариуме. Ну, я, говорит, сняла внутреннюю дверь с петель, стою наготове, жду, чем всё кончится.

Кончилось тем, что вода выломала внешнюю дверь, затопила дом, а «морская волчица», рассчитав время, нырнула под косяк и на внутренней двери, как на плоту, выехала во двор. Покружила там, зацепилась за что-то и стала ждать, пока вода схлынет.

– Всем бы бабулькам такое хладнокровие! – и мы чокаемся.

– А вместе с ней спаслась змея. Она мне фотку показывала: вокруг карниза для штор обвилась и сидела, пока вода не ушла. А дети к ней отказались приехать помогать. Сказали, что заразы от муляки боятся. И к себе не зовут.

«Ёбанный стыд, – думаю я. – Ё-БА-НЫЙ СТЫД!»

Но это повсеместно. Старики – самая пострадавшая часть населения. Мне довелось услышать про парня, спасавшего парализованную мать. Он успел закинуть её на крышу, потом подошла волна, и сам он выплыть не смог. Парализованная женщина осталась одна. Стеллу судьба свела с бабушкой, у которой утонули муж, сын и собака. Женщина сидела на лавочке во дворе и глядела остановившимся взглядом на выжившую кошку.

Но рассказывают и жизнеутверждающие истории: как мать успела выхватить из кровати крохотную дочку, прежде чем дверь лопнула под напором воды и кровать перевернулась.

Найти девочку в муляке было бы невозможно. Обе – и мать и дочь – спаслись. Рассказывают, как вода дошла до икон, стоящих на комод, и начала опускаться. Как три разнонаправленных волны обошли местную церковь на «Святой ручке» с трёх сторон, не задев её.

– Лотта, моя девичья честь под угрозой. Этот Дима так смотрит. Таааак смотрит! Я теряю волю!

– Он милый, – ответила Лотта. – Няшка-костыляшка. Крепитесь, Дарья, крепитесь.

Котейка

Утром ко мне подошёл мотоволонтёр и спросил, не хочу ли я поехать с ним спасать котёнка? Накануне туда же ездила Настя Топор, и я думала, что котёнок – это эвфемизм, а на самом деле надо снова что-то чистить. И согласилась. Только спросила, надевать ли сапоги? Нет, ответил мотоволонтёр, там чисто.

– А ты знаешь первое правило байкеров? – спросил меня костыляшка Дима, весело прищурясь. – Села – дала!

Я прокашлялась.

– А второе? – не унимался Дима. – Уронил – женился!

И я потуже натянула шлем.

Прежде чем тронуться, мотоволонтёр погладил меня по бедру. Я ткнула его локтём в бок. И мы поехали спасать котёнка.

В подъезде пятиэтажки, в коробке, застеленной тряпками, кошка кормила трёх полуслепых котят.

– Вот они, – сказал мотоволонтёр. – Этих мы вчера-позавчера вытащили.

Я изумилась:

– Мы что, по правде – приехали спасать котёнка?!

Он посмотрел на меня с удивлением:

– А ты думала, я тебя трахать везу?

Такого я, конечно, не думала.

– Всё утро пицтит и пицтит! – горевала хозяйка квартиры, откидывая крышку подвала. – Выбраться не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.